

ПЕРВЫЕ ШТУНДО-БАПТИСТСКИЕ ОБЩИНЫ В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX В.: ПОЛОЖЕНИЕ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Лисовская Т. В.

Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь

Аннотация. В статье рассматривается процесс зарождения и жизнедеятельности первых позднепротестантских общин в белорусских губерниях в конце XIX в. Автором отмечено, что вероучение было принесено на территорию Беларуси в ходе трудовых миграций с юга Российской империи и интегрировано в белорусское православное сообщество. Распространение штундо-баптизма среди православного белорусского населения вызывало опасения с точки зрения государственных интересов и вызвало активные меры законодательного и репрессивного характера, что привело к сокращению числа верующих, но не остановило распространение нового вероучения.

Ключевые слова: штундизм; баптизм; евангелизм; Беларусь; Российская империя.

THE FIRST STUNDO-BAPTIST COMMUNITIES IN BELARUS IN THE LATE SIXTH CENTURY: THE POSITION IN BELARUSIAN SOCIETY

Lisouskaya T. V.

Belarusian State University
Minsk, Belarus

Annotation. The article examines the process of the emergence and life of the first late Protestant communities in the Belarusian provinces at the end of the 19th century. The author notes that the doctrine was brought to the territory of Belarus during labor migrations from the south of the Russian Empire and integrated into the Belarusian Orthodox community. The spread of Stundo-Baptism among the Orthodox Belarusian population caused concerns from the point of view of state interests and caused active legislative and repressive measures, which led to a reduction in the number of believers but did not stop the spread of the new doctrine.

Keywords: Stundism; Baptism; Evangelicalism; Belarus; Russian Empire.

Зарождение позднего протестантизма в Беларуси проходило в конце XIX в. И хотя онтологически поздний протестантизм связан с традиционным протестантизмом, но его появление в Беларуси институционально не было связано с протестантскими церквями Беларуси (Евангельско-реформированным и Евангельско-аугсбургским костелами). Появление

штундо-баптизма на белорусских землях проходило в контексте развития российского баптизма. Одним из первых новых философско-религиозных течений в Беларуси во второй половине XIX в. стало толстовство, базирующееся на схожих с позднепротестантскими принципами веры, что содействовало духовному поиску и в определенной степени стало предтечами штундо-баптистского движения.

Первой позднепротестантской деноминацией в Беларуси стал штундизм, приверженцы которого появились в белорусских губерниях во второй половине XIX в. Центром в Беларуси стала Могилевская губерния. Согласно миссионерским отчетам по Могилевской губернии, «сектантство» было занесено в три местности Гомельского уезда Могилевской губернии в 1975–1979 гг. с юга России [1, л. 5]: д. Усохи, Дубовый Лог, Уть. В 1975 г. официально фиксируется наличие общины в д. Усохи Гомельского уезда [1, л. 34], д. Дубовый Лог, д. Николевка, д. Старый Крупец [2, л. 5–6]. Община д. Усохи была основана вернувшимся с заработков из-под Одессы местным жителем Д. Семенцовым. По сведениям священника В. Голынца, первым принявшим штундистское учение в д. Усохи был Ефим Ляшко (Лях) [3, л. 5]. В 1882 г. община насчитывала 29 человек [4, с. 190]. Миссионерскую работу в д. Усохи и д. Дубовый Лог Гомельского уезда в 1883 г. вели житель г. Казар Елизаветградской губернии штундист В. В. Иванов и Л. Д. Приймаченко [1, л. 32], который принял крещение в общине баптистов на Кавказе [4, с. 360]. В 1885 г. по приглашению Л. Д. Приймаченко к нему приезжал баптист В. Г. Павлов, который провел в окрестностях Гомеля массовое крещение местных жителей. В 1885 г. община д. Усохи насчитывала уже 95 человек [4, с. 190].

По вопросу основания общины д. Уть есть две точки зрения: сама община считает началом своей деятельности 1857 г. и в 1957 г. отмечала свой столетний юбилей [5, л. 106]. При этом документально зафиксировано существование общины в д. Уть с руководителями Н. Копенковым, У Копенковым, Д. Ревзенковым, М. Кирющенко в 70-е г. XIX в. [6, с. 382]. В 1886 г. образовалась община д. Старые Иваки Гомельского уезда. Община имела активные связи с украинскими общинами, приезжали проповедники из Черниговской губернии и из Киева [7 л. 147]. В 1896 г. в д. Симоничи Мозырского уезда из немецких переселенцев была образована община баптистов [8, л. 312об]. В 1887 г. «штунда» появилась в Рогачевском повете в результате общения «сектантов» д. Дубовый Лог с уроженцами повета в период службы в армии в 118-м шуйском полку в Бобруйске [9, л. 3 об].

Согласно отчетам православных миссионеров в 1882 г., в Могилевской губернии в трех деревнях (Усохи, Дубовый Лог, Уть) насчитывалось 115 приверженцев «штундизма» обоего пола [1, л. 32], в 1886 г. – 192, в 1887 г. – 215 (с учетом детей) [9, л. 2].

В начале 1880-х гг. в Рогачевском уезде Могилевской губернии появились «пашковцы», последователи учения графа В. А. Пашкова. Появление «пашковцев» в Беларуси связано с уроженкой д. Чечерск Рогачевского уезда графиней Л. Чертковой, участницей Петербургской общины пашковцев. Могилевские власти неоднократно отмечали в имении отца Л. Чертковой графа Чернышова-Кругликова в начале 1880-х гг. религиозные собрания и переход крестьян в «штунду». В 1882 г. управляющий Могилевской епархией епископ Муромский Иаков сообщал в Священный Синод, что в имении графа Чернышова-Кругликова проходят собрания «пашковцев» при большом стечении народа, как высшего класса, так и крестьян [10, л. 1–5].

Общины штундо-баптистов д. Усохи и Дубовый Лог Гомельского уезда поддерживали тесные связи с чечерскими «пашковцами», с общиной в Петербурге и с самим В. А. Пашковым. Зарождающимся белорусским позднепротестантским общинам В. А. Пашков оказывал значимую поддержку – духовной помощью, материальной, передачей литературы. Члены белорусских общин посещали в Петербурге В. А. Пашкова [3, л. 22–24], обращались к нему за помощью. Общины д. Усохи и Дубовый Лог неоднократно получали финансирование и религиозную литературу от В. А. Пашкова [1, л. 26]. В том числе в 1884 г. он предлагал членам общин Гомельского уезда переселиться на лучшие земли в его оренбургском имении и был готов профинансировать переезд для тех, кто испытывает финансовые трудности [11, л. 28–28 об].

Вслед за Могилевской губернией в 1880-е гг. штундо-баптизм был выявлен в ряде мест Витебской губернии. В 1883 г. в Полоцке и в округе, а также в г. Витебске проповедовал Ф. Симченко, который во время военной службы в Николаеве принял штундизм. В 1883 г. в Полоцкой округе в д. Тройчин уже насчитывалось несколько семей штундистов – семьи Е. Кореневского и К. Яковлева [12 л. 1 об], принявшего штундистское учение в 1878 г. в Херсонской губернии [13, л. 1]. В 1888 г. штундо-баптизм в Витебске проповедовал мещанин И. Довгялло [12, л. 1–3]. В 1893 гг. в результате миссионерской деятельности Я. М. Пуреня, П. Л. Зегера, Г. Г. Воргуля приверженцы баптистского учения появились уже в Люцинском уезде Витебской губернии [14, л. 2].

Несмотря на незначительное число приверженцев штундо-баптизма в белорусских губерниях в 1870–1890-х гг., их появление в белорусских губерниях со сложным этноконфессиональным составом и распространение среди православного белорусского населения вызывало опасения с точки зрения государственных интересов. Наличие баптистов неправославного небелорусского происхождения (латыши, ранее лютеране) отмечается в Витебской губернии в 1893 г. в г. Двинск [15, с. 350]. Переход из лютеранства в баптизм был зафиксирован властями и в следующие годы. Так, в 1902 и 1903 гг. в Витебской губернии таковых было выявлено 13 семейств (всего 44 человека) [16, л. 1–2]. В Люцинском уезде в 1898 г. священником Н. Бернадским обнаружено проведение баптистских собраний с участием православных [17, с. 72–73]. В 1904 г. 22 семьи (73 человека), ранее православные, были баптистами [18, л. 3–6].

Особенности этноконфессиональной политики Российской империи в Северо-Западном крае и сформированная модель государственно-конфессиональных отношений определили правовое положение белорусских позднепротестантских общин. Во-первых, штундо-баптистские общины были отнесены к категории терпимых исповеданий, штундизм с 1894 г. – к категории «более вредных сект» и был запрещен. Это определяло для приверженцев терпимых исповеданий права свободного отправления их веры и богослужения по обрядам [19]. Однако концепт «первенствующей и главенствующей» православной церкви определил, во-первых, запрет на выход из православия и переход в иное исповедание (ст. 38 Свода законов 1879 г. и Устав о предупреждении и пресечении преступлений [19; 20]), что делало незаконным переход в штундо-баптизм. Во-вторых, в рамках защиты православной веры Уголовное законодательство определяло наказание за соращение православных в инославие, иноверие и «раскол» (статья 189, 196). Статья 176 Уложения предполагала каторжные работы от 12 до 15 лет за хулу на основы христианской веры (Троицу, Иисуса Христа, Богородицу, крест, Святых Угодников), за порицание христианской веры и православия – каторжные работы от 6 до 8 лет (статья 178), за кощунства и язвительное насмехание над правилами и обрядами православной церкви и христианства – тюремное заключение от 4 до 8 месяцев (статья 182) [21]. Данные законодательные ограничения сильно затрудняли не только осуществление религиозной деятельности (культовые практики, миссионерскую, духовно-воспитательную работу с детьми), но и реализацию личных религиозных прав, в том числе на выбор веры. Свобода выбора веры и выход из православия стали возможны только в 1905 г.

Распространение штундо-баптизма в белорусских губерниях имело особое значение для российских светских и православных властей – штундизм и баптизм, ранее распространявшиеся среди немецкого населения Империи, вышли на уровень автохтонного населения, в том числе в сложном этноконфессиональном регионе, где православная церковь являлась одним из главных столпов государственности. Священник И. Шебеко в 1884 г., будучи в поездке по «зараженным» деревням, отмечал, что с каждым праздничным и воскресным днем уменьшается число молящихся в храме православных жителей д. Дубовый Лог [3, л. 8 об]. Это определило тот факт, что, несмотря на незначительную численность штундо-баптистов в белорусских губерниях, при формировании Указа 1894 г. «О признании штундистов особо вредной сектой» Священный Синод принял во внимание отчет и мнение Могилевского епископа Виталия и Могилевского губернатора, а также Киевского митрополита и епископа Херсонского и Одесского Никанора [22, л. 25].

Православная церковь остро реагировала на появление штундо-баптизма в белорусских губерниях и распространение его среди православного населения. В 1880 г. в Могилевскую губернию (в д. Усохи, Дубовый Лог, Старый Крупец, Николаевка) для борьбы со «штундой» был направлен православный миссионер В. Голынец, который работал в этом направлении до конца 80-х гг. В отчетах в 1880 и 1884 гг. В. Голынец отмечал, что сектантство распространяется в том числе за счет кризиса православной церкви [2, л. 12–13], в результате чего белорусское население отходит от церкви и ищет иные возможности для религиозной реализации. При этом следует отметить, что восприятие первых поздне-протестантских верующих остальной частью населения было позитивным. На протяжении 1880–1890-х гг. практически отсутствуют данные о религиозных конфликтах в местностях, где появлялись «сектанты». Несмотря на отход от традиционного для деревень Гомельского уезда Уть, Усохи, Дубовый Лог и др. православного исповедания, местные православные конфликтовали с штундо-баптистами. Уважение вызывали в том числе моральные аспекты жизни сектантов – отсутствие пьянства, краж, разврата, забота о семье и др. [2, л. 90]. По словам православных жителей села Старые Иваки, члены сообщества весьма аккуратно несли государственные и общественные повинности [7, л. 247 об]. Священник И. Шебеко в 1884 г. в беседе с православным жителем д. Дубовый Лог И. Лукьяненковым, который посещал собрания сектантов, пытался объяснить ему, что «невозможно в одно и то же время быть православным и держаться заблуждения, служить богу и мамоне»,

на что И. Лукьяненко ответил: «Я тут ничего дурного не вижу, мне тут хорошо вычитывают» [3, л. 9].

В качестве мер по возвращению отпавших в ересь Духовная консистория на основании ст. 21 Устава Духовной Консистории поручала священникам увещевать уклонившихся с целью возврата в православие. Так, в 1888 г. после получения сведений об уклонении жителя г. Витебска Е. Корневского и его семьи в ересь было поручено священникам И. Шаровскому и Х. Пигульскому увещевать Е. Корневского и его семейство к возврату в православие. Е. Корневский и его старший сын В. Корневский дважды вызывались в Консисторию для увещевания, но безрезультатно. Принимаемые меры по увещеванию уклонившихся в ересь являлись обязательной практикой и после принятия Указа 1905 г., но признавались недействительными. В. Голынец отмечал, что необходимо работать не только с отпавшими, но и с православными, чтобы те не переходили в секту. Священник церкви д. Уть Г. Трусевич организовал сбор подписей с обязательством православных, которые когда-либо были на собраниях сектантов, больше не ходить на собрания [9, л. 30]. В 1883 г. священник церкви д. Усохи И. Стратанович организовал прошение православных жителей Усох, в котором они заявили об оскорблении своих религиозных чувств со стороны совратившихся в «штунду» своих односельчан и просили «освободить их от напасти» [23, л. 62–62 об].

На фоне развития штундо-баптизма в Могилевской губернии среди православных и неэффективности «увещевательных» мер православной церкви законодательные ограничения и репрессивные меры в отношении верующих стали основными способами воздействия на распространение нового вероучения. Весной 1884 г. баптисты З. Гуль и Е. Лешков от имени 11 верующих д. Усохи подали Могилевскому губернатору ходатайство о разрешении проведения богослужений по их обычаям и обрядам в доме Л. Приймаченко, об утверждении старшими духовными лицами Л. Приймаченко и З. Гурьева, о ведении ими метрических книг. Губернским правлением данное прошение было признано незаконным, а Могилевский губернатор подтвердил распоряжение о запрете собраний сектантов для молений, песнопений и обрядов на основании ст. 62 Устава о предупреждении и пресечении преступлений; при обнаружении совращения православных в отношении виновных будут приняты строгие законные меры [3, л. 37–37 об].

В феврале 1883 г. Могилевский губернатор получил указание МВД остановить распространение штунды [9]. В отчете по вопросу необ-

ходимых мер в отношении руководителей штундистов губернатор высказался за ограничение свободы действий лидеров движения, вплоть до ограничений распоряжения имуществом и передачи имущества в опеку [23, л. 61 об].

Смешение в формулировках Закона 1883 г. и Уложения о наказаниях понятий «миссионерство» как организованная деятельность по распространению веры и «исповедание веры» – индивидуальный прозелитизм и публичное проявление принципов вероучения открывало широкий простор для свободной трактовки действий верующих и применения репрессивных мер. Так, штундисты д. Уть П. Е. Пискунов и Л. М. Пехтерев были переданы суду за разговор с односельчанином, в котором высказались против крещения младенцев, крестного знамения, икон, и заявили, что штундистское учение лучше православного. В 1885 г. Витебским окружным судом по ст. 188 и 189 Уложения о наказаниях К. Яковлев был осужден и сослан в Закавказский округ за распространение ереси и совращение православных [12, л. 1–3]. 1 марта 1886 г. был арестован и по решению Особого совещания в порядке ст. 34 Положения о государственной охране сослан на два года в г. Орск Оренбургской губернии Л. Приймаченко. В 1886 г. баптисты д. Усохи З. Гуль, Ефим и Евсей Ляшко, Лазарь и Мина Евстратенковы, П. Максачев (Мальский) были обвинены по ст. 196 Уложения о наказаниях и помещены в Гомельскую тюрьму [9, л. 6 об]. В сентябре 1887 г. в Рогачеве прошел суд по обвинению 9 жителей д. Дубовый Лог и Усохи в нарушении ст. 196 Уложения о наказаниях. Окружной суд на основании суда присяжных постановил к лишению всех прав и высылке на поселение в Закавказье И. Будниченко, З. Гуля, Ефима и Евсея Ляшко, Лазаря и Мину Евстратенковых. К ограничению отдельных прав и тюремному заключению на 8 и 6 месяцев были приговорены И. Игнатьев и П. Мальский (Маевский) [9, л. 7 об].

21 августа 1888 г. было обнаружено нелегальное религиозное собрание штундистов в г. Витебске в доме мещанки Бовтуто, на котором присутствовали Е. Корневский, И. Довгялло и трое прихожан Заручевско-Воскресенской церкви г. Витебска. Полицейским приставом были изъяты 12 религиозных брошюр, из которых 10 были признаны Священным Синодом вредными и подлежащими изъятию. В результате постановлением Духовной Консистории от 15 ноября 1888 г. № 8203 сообщено Витебскому окружному суду для привлечения участников собрания к следствию и суду за уклонение от православия, распространение секты и порицание православной церкви.

16 мая 1890 г. Витебский окружной суд решением присяжных заседателей признал В. Кореневского, Е. Кореневского, И. Довгялло, П. Нагибова виновными в принадлежности к штундизму (ст. 196 Уложения о наказаниях), проповеди ереси (ст. 189) и отвлечении православных от церкви. В. Кореневский также был признан виновным в хуле на Духа Святого и Богородицу и таинства православной церкви. В. Кореневский, Е. Кореневский, И. Довгялло на основании ст. 21, 36, 38, 150, 189, 196 Уложения о наказаниях и ст. 828 Устава уголовного суда были приговорены к лишению всех прав и состояния и ссылке в Закавказье. М. Б. Буянов, П. Нагибов были приговорены к тюремному сроку на шесть месяцев. М. Кореневская и Л. Куковенко были оправданы [12, л. 6–12].

В 1895 г. крестьяне Я. М. Пурень, П. Л. Зегер, Ю. Э. Воргуль были переданы суду по обвинению в преступлении по ст. 196 Уложения о наказаниях. Витебским окружным судом решением присяжных заседателей были признаны виновными по ст. 189 Уложения о наказаниях в принадлежности к баптизму и распространению в 1893–1894 гг. в Люцинском уезде Витебской губернии баптистского учения и склонению к отпадению от православия крестьян М. Мейера, Е. Берзкальн, И. Эрицова, Е. Эрицову (Эриц-?). Витебский окружной суд 23 мая 1896 г. приговорил Я. М. Пурень, П. Л. Зегер, Ю. Э. Воргуль к лишению всех прав и имущества и заключению в исправительное арестантское отделение на 10 месяцев. Товарищ прокурора Витебского окружного суда Латинин 4 июня 1889 г. подал кассационный протест по вопросу переквалификации Окружным судом преступлений Я. М. Пуреня, П. Л. Зегера, Ю. Э. Воргуля со ст. 196 на ст. 189 Уложения о наказаниях, что подразумевало более жесткое наказание [14, л. 2–4].

Репрессивные меры в отношении штундо-баптистских общин Могилевской губернии в конце 1880-х гг. привели к сокращению числа верующих. После процесса над верующими Дубового Лога и Усох в 1887 г. их высылки и тюремного заключения среди верующие стали обсуждать возможность переезда из Гомельского уезда в другие страны [9, л. 7 об]. В 1888 г. 25 семей из Усох выехали на Кубань, а затем в Сибирь [24, л. 128]. По официальным данным, на 1897 г. в Могилевской губернии насчитывалось 14 баптистов, в Витебской – 130 [1, л. 3]. Опасаясь преследований, верующие старались скрыть свою религиозную принадлежность, часть перешла в православие – 52 человека в Могилевской губернии [25, с. 105].

Несмотря на это заложенные штундо-баптистами Гомельского уезда основы позднего протестантизма в Беларуси получили дальнейшее раз-

витие в начале XX. Центром штундо-баптизма в Могилевской губернии на смену д. Усохи становится д. Уть. В 1910 г. официальное число верующих протестантов Могилевской губернии составило 1000 человек [26, л. 32], при этом в д. Уть – 166 человек, в д. Старые Иваки – 87, в д. Усохи – 33 [7, л. 250]. Община д. Уть была зарегистрирована в 1910 г. и стала первой легальной позднепротестантской общиной в белорусских губерниях.

Развитие баптизма параллельно со штундизмом в Российской империи во второй половине XIX в. и их схожие вероучительные принципы, перенесение нового вероучения в Беларусь из штундистских и баптистских общин юга России привели к активному сотрудничеству белорусских баптистских и штундистских общин и постепенному смешению их религиозной идентичности. В связи с этим идентифицировать общины Беларуси второй половины XIX в. как штундистские или баптистские достаточно трудно: нередко руководителями штундистских общин были лица, принявшие крещение в баптистских общинах юга России [4, л. 190]. После объявления штундизма вне закона в 1894 г. движение пошло на спад и впоследствии практически слилось с баптизмом. Общины, ранее номинированные как штундистские, в 1890-х гг. заявляли о своей принадлежности к баптизму (д. Усохи, Дубовый Лог, Уть). Кроме того, в рамках зарождающегося позднепротестантского движения штундистские, баптистские общины, а также общины «пашковцев», в будущем выделившиеся в группу евангельских христиан, активно взаимодействовали [1, л. 26], выходя за рамки условных конфессиональных границ. В связи с этим, а также из-за отсутствия иных конфессиональных групп позднего протестантизма позднепротестантское движение в Беларуси с момента появления и до конца XIX в. можно идентифицировать как штундо-баптистское.

Список использованных источников

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 796. Оп. 164. Д. 1415.
2. РГИА. – Ф. 797. Оп. 87. Д. 260.
3. РГИА. – Ф. 797. Оп. 94. Д. 62.
4. Савинский, С. Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867–1917) / С. Н. Савинский. – Санкт-Петербург: Библия для всех, 1999. – 424 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 952. Оп. 47. Д.
6. История евангельских христиан-баптистов в СССР. – Москва: Изд-во ВСЕХБ, 1989. – 623 с.

7. РГИА. – Ф. 821. Оп. 133. Д. 160.
8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 136. Оп. 1. Д. 35812.
9. РГИА. – Ф. 797. Оп. 96. Д. 92.
10. РГИА. – Ф. 796. Оп. 163. Д. 1775.
11. РГИА. – Ф. 1574. Оп. 2. Д. 63.
12. РГИА. – Ф. 796. Оп. 169. Д. 1473.
13. РГИА. – Ф. 796. Оп. 166. Д. 1491.
14. РГИА. – Ф. 1363. Оп. 6. Д. 2260.
15. По епархии. (Миссионерская хроника). Двинск // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1903. – № 9 (часть неофициальная). – С. 350.
16. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 45323.
17. *Никонович, Ф., прот.* Опыт миссионерского дневника. (Выпись из миссионерского дневника причта Люцинского градского собора) / прот. Ф. Никонович // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1904. – № 3 (часть неофициальная). – С. 72–73.
18. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 45855.
19. Свод Законов Российской империи. – Санкт-Петербург, 1892. – Т. 1, ч. 1.
20. Устав о предупреждении и пресечении преступлений: С разъяснениями по решениям кассац. деп. Правительствующего Сената [Электронный ресурс] // Президентская Библиотека имени Б. Н. Ельцина. – Москва: Тип. Ф. Б. Миллера, 1879. – 52 с. – URL: <https://www.prilib.ru/item/459983> (дата обращения: 12.03.2023).
21. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Издано проф. Импер. Училища правоведения... Н. С. Таганцевым. – 5-е изд., доп. – Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1886. – 714 с.
22. РГИА. – Ф. 796. Оп. 168. Д. 1368.
23. РГИА. – Ф. 733 Оп. 177. Д. 285.
24. *Асаненка, П.* Пачаткі евангельскага прабуджэння на Гомельшчыне (канец XIX – пачатак XX ст.) / П. Асаненка // Евангельская Царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць (да 600-годдзя Евангельскай Царквы ў Беларусі): зб. матэрыялаў міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7 снеж. 2015 г. / рэдкал.: А. І. Бокун [і інш.]. – Мінск: Пазітыў-цэнтр, 2016. – С. 126–130.
25. Канфесіі на Беларусі (п. XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор’ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск: ВП «Экаперспектыва», 1998. – С. 105.
26. РГИА. – Ф. 821. Оп. 133. Д. 21.